

Е. А. Ляшенко
Днепропетровск

РОМАНТИЧЕСКАЯ ГЕРОИНЯ В ЛЮБОВНЫХ КОЛЛИЗИЯХ «ПОВЕСТЕЙ БЕЛКИНА» А.С. ПУШКИНА

У статті розглядаються любовні колізії в повістях А.С. Пушкіна. Виділяються базові схеми побудови жіночих образів і любовних стосунків, руйнуються стереотипні уявлення про характери жіночих персонажів. Любовна історія повісті «Метель», в основу якої покладено сентименталістський сюжет розвитку стосунків, отримує несподівану розв'язку. У стилістиці несподіваного читацького очікування прописана також повість «Станционный смотритель». У творі «Барышня-крестьянка» сюжет трансформується, і одне з центральних місць відводиться простій дівчині. Пушкін трансформує відомий сюжет-кліше, посилюючи ігровий аспект в оповіданні. Жіночі образи відповідають визначеній, традиційній структурі. Гра літературними характеристиками дозволяє автору відмовитися від типізації жіночих персонажів. Ігровий аспект повістей руйнує звичну романтично обумовлену клішованість в сприйнятті любовних колізій і дозволяє героїні по-новому/реалістично оцінити свою любовну історію. Нові розповідні стратегії Пушкіна руйнують звичні уявлення про норми любовної поведінки і відчуттів. Автор ламає стереотипні уявлення про форми любовної поведінки, дискурсивні правила, що визначають розвиток літературних колізій, де героїням відводилася переважно пасивна роль жертви нещасного кохання. Чітко виражений ігровий початок, що визначає розвиток любовної інтриги, дозволяє автору переосмислити традиційні амплуа героїнь сентиментальних повістей.

Ключові слова: романтичний образ, типізовані характери, любовні колізії, сентименталістський сюжет, ігровий аспект.

В статті розглядаються любовні колізії в повістях А.С. Пушкіна. Виділяються базові схеми побудови жіночих образів і любовних відносин, руйнуються сложившіся в літературі стереотипні уявлення про характери жіночих персонажів. Любовна історія повісті «Метель», в основу котрої покладено сентименталістський сюжет розвитку відносин, отримує несподівану розв'язку. В стилістиці порушеного читачького очікування вибудована також повість «Станційний глядач». В «Барышні-крістьянці» сюжет в буквальному сенсі перебудовується, і одне з центральних місць в творі відводиться дівчинці з простого сословія. Пушкін трансформує відомий сюжет-кличе, посилюючи ігровий аспект в оповіданні. Жіночі образи відповідають певній, традиційній структурі. Гра літературними характерами дозволяє автору відмовитися від образів типізованих чутливих барышень. Ігровий аспект повістей руйнує звичну романтично задану клішированність в сприйнятті любовних колізій і дозволяє героїні по-новому/реалістически оцінити свою любовну історію. Нові оповідацькі стратегії Пушкіна ламають звичні уявлення про правила любовного поведіння і чуттєвості. Автор руйнує стереотипні уявлення про форми любовного поведіння, дискурсивні правила, що визначають розвиток літературних колізій, де героїням відводилася переважно пасивна роль жертви нещасливої любові. Відчутливо виражене ігрове початок, що визначає розвиток любовної інтриги, дозволяє автору переосмислити і пересоздати традиційні амплу героїнь сентиментальних повістей.

Ключевые слова: романтический образ, типизированные характеры, любовные коллизии, сентименталистский сюжет, игровой аспект.

The conflict in the love stories of Alexander Pushkin are regarded in the article. Basic schemes of construction of female characters and love relationships are highlighted in this paper. Stereotypical ideas about the nature of the female characters, which have developed in the literature are destroyed in the article. Sentimentalistic plot of the development of relations are laid in the foundation of a love story of novel «The Snowstorm». This novel gets unexpected outcome. The novel «Postmaster» also are built in the style of impaired reader expectations. In «Mistress into Maid» story literally perelitsovyvat, and one of the central places in the product is given a simple girl from class. Pushkin transforms well-known story clichés, enhancing the gaming aspect of the narrative. Women meet certain images, the traditional structure. Game literary characters allows the author to abandon images typed sensitive ladies. Game stories aspect destroys usual romantically given Plate Making love in the perception of conflicts and allows the heroine po-novomu/realisticheski evaluate their love story. New narrative strategies Pushkin break the usual understanding of the rules of behavior and feeling of love. Author breaks stereotypes ideas about forms amorous behavior, discursive rules governing the development of literary conflicts where heroines assigned predominantly passive role of victim of unrequited love. Clearly marked the beginning of the game that determines the development of a love affair, allows the author to rethink and recreate the traditional roles of heroines of sentimental novels.

Keywords: romantic character, characters which are typified, love collisions, playing aspect.

В «Повестях Белкина» А.С. Пушкіна сучасникам несподіванно відкрилося глибоке внутрішнє єдинство літературного процесу, повторюваність літературних типів і ситуацій, стоячі за літературними формами, стійкі явленія самої життя. «Повісті Белкина» містять багато сюжетних комплексів, образів, тем, мотивів, закріплених уже

сложившейся литературной традицией. В. Г. Белинский сравнивал «Повести...» с сентиментальными повестями: «Это что-то вроде повестей Карамзина» [1, с. 637], генетически соотносящимися с канонами чувствования, заданными в творчестве основоположника жанра – Ж.-Ж. Руссо. Нередко в основе сентименталистского повествования оказывается мотив сословного разделения влюбленных, препятствующий счастливому завершению их любви. В этом отношении представляют интерес любовные истории в повестях «Метель», «Станционный смотритель» и «Барышня-крестьянка», доминирующая роль в которых отводится женским персонажам. Современные исследования, направленные на осмысление проблемы анализа женских характеров, представлены в литературоведении работами многих авторов (Ю. Лотман, А. Полонская, Е. Романова, Е. Строганова, И. Жеребкина и др.).

Цель данной статьи – рассмотреть трансформацию любовных коллизий в повестях «Метель», «Станционный смотритель», «Барышня-крестьянка» и проследить разрушение сложившихся в литературе стереотипных представлений о характерах женских персонажей.

Финал любовных отношений, к которому стремятся пушкинские героини – законный брак. Ю. Лотман отмечает: «Романтический брак по страсти в ту пору встречался чаще в романах, чем в жизни. Влюблялся и выбирал мужчина. Девушка чаще всего соглашалась отдать руку. Подлинное знакомство начиналось уже после церковного обряда. В счастливых случаях оно перерастало в спокойную дружескую привязанность или просто привычку. В менее счастливых – в покорное терпение. Семейные неурядицы редко предавались огласке» [5, с. 235]. Любовная история повести «Метель» прописана согласно сентименталистским традициям. Героиня – «стройная, бледная семнадцатилетняя девица», воспитанная на французских романах и, «следственно», влюбленная – избирает «предметом» своей любви армейского прапорщика Владимира [8, т. 5, с. 63]. Влюбленные решают самостоятельно устроить свое счастье. Побег из родительского дома напоминает хорошо обдуманый план действий, заимствованный Марьей Гавриловной и Владимиром из любовных романов. Заимствованной является и сама форма романтического побега – увоз невесты темной ночью из дома. Среди многочисленных русских и зарубежных произведений, в которых речь идет о романтическом увозе невесты, исследователь В. Шмид отмечает повесть Н. Карамзина «Наталья, боярская дочь». Именно это произведение, по его мнению, «скорее всего повлияло на замысел «Метели» [10, с. 293].

Влюбленная Марья Гавриловна, в отличие от сентиментальных героинь, полагающихся только на чувства, ведет себя весьма сдержанно и обстоятельно: она «...долго колебалась; множество планов побега было отвергнуто» [8, т. 5, с. 64]. Волнение и страх героини перед предстоящими переменами отражают ее сновидения – «безобразные, бессмысленные видения» [8, т. 5, с. 65]. Здесь вполне очевидно сюжетное сближение повести с балладой В. Жуковского «Светлана»: «Вдруг метелица кругом; // Снег валит

клоками» [4, с. 21]. По замечанию В. Марковича, Пушкин берет эпиграфом несколько строк из баллады, выделяя в ней мотив вьюжной ночи и тайной поездки на санях, оваянной ужасом, предчувствием беды и чудесами [6, с. 72]. Во сне Марья Гавриловна видит отца, который тащит ее по снегу в «в темное, бездонное подземелие» и умирающего Владимира [8, т. 5, с. 65]. В. Шмид отмечает, что сон Марьи Гавриловны имеет два существенных мотива: мотив смерти жениха и мотив жестокого отца и выражает подсознательный страх перед браком с Владимиром [10, с. 212]. Н. Черняев трактует произведение «как благочестивый рассказ, внушающий не только веру в провидение, но и уважение к «святости законного брака» [9, с. 276]. Пушкин строит повесть таким образом, что о происшествии в Жадрино читатель узнает лишь из рассказа Бурмина. Сцена в церкви создает эффект недосказанности, тайны, свойственный романтическим произведениям. Взволнованная, измученная ожиданием, героиня уже после церемонии венчания обнаруживает, что жених – не ее возлюбленный. Вопреки читательскому ожиданию, Марья Гавриловна возвращается в дом родителей и, как настоящая романтическая героиня, заболевает от потрясения: «Открылась сильная горячка, и бедная больная две недели находилась у края гроба» [8, т. 5, с. 69].

В истории отношений героини с Бурминым прослеживается сознательная установка Пушкина на трафаретность романтического героя-любownika. Он – вполне соответствует герою байронического типа: холоден, задумчив, оваян ореолом таинственности. Она – нежная и чувствительная, мечтающая покорить его сердце. Ожидая романтического признания в любви, Марья Гавриловна оказывается в литературно-традиционной ситуации. «У пруда, под ивою, с книгою в руке и в белом платье» она подчеркнута схожа с образом героини Ж.-Ж. Руссо – Юлией. Повествователь называет ее «настоящею героинею романа» [8, т. 5, с. 72]. Предсказуемость поведения девушки, ее чувства и намерения обусловлены стремлением выстроить отношения в соответствии с шаблонизированными любовными сюжетами. В повести гармонично и естественно осуществляется авторская игра с устоявшимися литературными характерами. Владимир остается традиционным не слишком удачливым сентиментальным героем; Бурмин же из героя шалопая-гусара, затем романтического героя без периода романтических ухаживаний (они уже не нужны, так как брак состоялся) вдруг оказывается семейным человеком. Героиня, в свою очередь, столкнувшись с реальностью, принимает ее. Хотя романтизированный образ, вероятно, требовал бы другого решения. Оказавшись замужем при весьма неопределенных обстоятельствах, разорвав отношения с Владимиром, девушка продолжает вести уединенную, размеренную жизнь. Вопреки традиционным представлениям о романтической героине, образ Марьи Гавриловны подчеркнута пластичен. Она словно «примеряет» заданные автором ситуации, чередуя переходы от состояния решительных действий (при организации побега из родительского дома, планировании тайного венчания) к романтически-чувствительному амплуа (в отношениях с Бурминым). Пушкин позволяет ей влиять на развитие любовной

коллизии: именно героиня выступает инициатором любовного признания. Сентименталистский сюжет, таким образом, получает неожиданную развязку: в несколько трагикомической ситуации «странного» брака с незнакомцем утратившая возлюбленного Марья Гавриловна вновь обретает любовь, но парадоксальным образом ее новый возлюбленный уже оказывается ее законным супругом.

В той же стилистике нарушенного читательского ожидания выстроена и повесть «Станционный смотритель». О ней современный исследователь А. Белый пишет: «История о том, как красивая девочка случайным образом устроила свою судьбу» [2, с. 316], подчеркивая слово «случайно», т. е. вопреки сложившемуся к тому времени сюжетному шаблону. Из всех трех обозначенных повестей именно в этой руссоистская привязка к определенной схеме оказывается наиболее слабой. Герои «Станционного смотрителя» (Минский и Дуня) разрушают привычные литературные образы гусара-повесы и соблазненной наивной девушки. Их образы прописаны несколько схематично. Такая схематичность художественно оправдана и отсылает к истории блудного сына, как иронический пушкинский комментарий представленной в лубочных картинках на стенах домика станционного смотрителя. Красавица Дуня страстно влюбляется в своего похитителя, Минский же оказывается «исключением из правил» [2, с. 318] и женится на соблазненной им простой девушке. В повести нет отрицательных героев, нет и прямого зла. Финал повести в равной степени и скорбный, и счастливый: смерть станционного смотрителя, с одной стороны, и благополучие Дуни – с другой. Пушкинской героине представилась возможность выбрать другую жизнь, и этот выбор оказался счастливым. Дуня и приезжает к отцу лишь тогда, когда сбылось всё, о чём она могла только мечтать. Пушкин ни слова не говорит о её замужестве, но шестёрка лошадей, трое детей, кормилица свидетельствуют о благополучном завершении истории. О нравственной стороне поступка умалчивается. На самом деле цена неожиданного счастья непомерно высока. Внутренняя работа, происходящая в душе Дуни, скрыта от посторонних глаз. О том, что Дуня считает себя виноватой в смерти отца, можно только догадываться: «она молча легла на его могилу и лежала долго» [8, т. 5, с. 97].

Завершает цикл близкая к «Метели» повесть «Барышня-крестьянка». Здесь любовная коллизия разворачивается в русской помещичьей среде и завершается благодаря подмене или переодеванию. Сходны и героини повестей, «чувства и страсти» которых развиваются благодаря «уединению», свободе и чтению [8, т. 5, с. 101]. В сюжете «Барышни-крестьянки» иронически обыгрываются коллизии, шаблонные для сентименталистских повестей того времени. Крестьянка, которая становится барышней, – характерный образ в литературе конца XVIII – начала XIX веков. В сентиментальной пьесе Н. Ильина «Лиза, или Торжество благодарности» главная героиня оказывается дочерью дворянина и может выйти замуж за любимого ею Лиодора, а в идиллической повести В. Измайлова «Ростовское

озеро» героиня в крестьянском платье восхищает рассказчика, в частности, тем, что читает «Новую Элоизу» в оригинале. Как потом выясняется, она дочь крестьянки и дворянина, которая после смерти своих родителей принимает решение жить своим трудом в уединении. Содержание сентиментальных повестей такого типа обычно сводилось к похвале трудолюбию, скромности и прочим добродетелям и отличалось нравоучительным характером.

Пушкин перелицовывает известный сюжет-клише. В его повести девушка, принадлежащая к благородному сословию, «играет» в крестьянку. Следует заметить, что развитие любовной коллизии происходит по традиционной схеме. Каждый из героев придерживается своего «сценария», в котором Лизе отводится роль крестьянки, Алексею – камердинера. Лиза правдоподобнее исполняет свою роль, выглядит «полуиспуганной, полужастенчивой», в своей речи она мастерски использует крестьянское наречие [8, т. 5, с. 106]. Отступление от этой роли отмечается в тексте только один раз, когда Берестов попытался обнять Лизу, она «...отпрыгнула от него и приняла вдруг на себя такой строгий и холодный вид, что это рассмешило Алексея. “Если вы хотите, чтобы мы были впредь приятелями, – сказала она с важностью, – то извольте не забываться”» [8, т. 5, с. 106]. Такая гордость и неприступность как проявление характера, естественно, не являются наигранными, а скорее выражает настоящую сущность Лизы-барышни, однако в сознании Алексея несоответствующее образу крестьянки поведение и сама ее речь, находят вполне логическое объяснение: «Кто тебя научил этой премудрости?.. Уж не Настенька ли, моя знакомая, не девушка ли барышни вашей?» [8, т. 5, с. 106]. Лиза, почувствовав, «...что вышла было из своей роли», отвечает соответственно своему амплу следующее: «А что думаешь?.. разве я на барском дворе никогда не бывала? Небось всего наслышалась и нагладелась...» [8, т. 5, с. 107]. Когда же Берестов, в свою очередь, чтобы «уравнять отношения», выдает себя за камердинера молодого барина, Лиза «распознает» обман, навязывая Берестову свою игру, свой сюжет развития отношений. Таким образом, безупречно сыгранная Лизой роль Акулины вводит Алексея в полное заблуждение и восторг, а совмещение крестьянской манеры поведения с неприступностью барышни, порождают в герое интерес и симпатию: «...Алексей был в восхищении, целый день думал он о новой своей знакомке; ночью образ смуглой красавицы и во сне преследовал его воображение» [8, т. 5, с. 107]. Так завязывается любовная коллизия между мнимой крестьянкой и барином, в основе которой лежит сентиментальный сюжет-клише о любви дворянина к девушке низкого происхождения. Настоящее имя героини – Лиза, является своеобразной аллюзией на «Бедную Лизу» Карамзина. В тексте повести Пушкина воспоминания об этой печальной истории, по мнению В. Шмида, «постоянно оживают в реминисценциях, явных и многочисленных контрастах» [10, с. 242]. Кроме сюжетно-мотивных параллелей между «Бедной Лизой» и «Барышней-крестьянкой», немаловажным является еще один аспект – трансформация ролей в пушкинском тексте. Если у Карамзина Лиза выступает жертвой оболъщения

Эраста, то в «Барышне-крестьянке» инициатива обольщения переходит от соблазнителя Алексея к традиционно предполагаемой «жертве» – крестьянке Акулине / барышне Лизе.

В тексте повести присутствует мотив невозможности воссоединения влюбленных. В отличие от сентиментальных повестей (Н. Брусиллов «История бедной Марии», А. Попов «Бедная Лилия», М. Милонов «История бедной Марии», И. Долгорукий «Несчастливая Лиза»), в которых преграда, как правило, заключалась в одной причине, в пушкинском тексте влюбленным мешают два разных препятствия: со стороны жениха – неравенство социального положения («...как ни привязан был к милой своей Акулине, все помнил расстояние, существующее между им и бедной крестьянкой...» [8, т. 5, с. 109]), со стороны же невесты – вражда отцов («...Лиза ведала, какая ненависть существовала между их отцами, и не смела надеяться на взаимное примирение...» [8, т. 5, с. 109]). Так, если в шекспировской трагедии, вражда семейств, препятствующая счастью молодых, преодолевается только со смертью детей, то в «Барышне-крестьянке», вражда отцов вообще не является истинным препятствием для счастья молодых людей, а примирение стариков, кажется, больше затрудняет любовь Лизы и Алексея, нежели способствует их воссоединению [см.: 7, с. 144]. Предстоящее знакомство грозит разоблачению героини. Второе переодевание Лизы вводит в повествование схематический сюжет салонного XVIII века. Лиза предстает перед гостями в образе фрейлины времен Людовика XIV – набеленная и накрашенная с помощью белил и сурьмы из комода мисс Жаксон. Пушкин, подчеркивая игровой характер событий, сюжетно оправданно сталкивает два канона-кодекса любовного поведения, ориентированного на «галантные истории» XVIII века и новую сентименталистскую моду. Примеряет на себя новый образ и Алексей. Он долго размышляет, «...какую роль играть ему в присутствии Лизы». Выбор его останавливается на роли «разочарованного равнодушного» героя [8, т. 5, с. 112]. При первой встрече барышни-Лизы Муромской с молодым помещиком Берестовым «...Алексей продолжал играть роль рассеянного и задумчивого. Лиза жеманилась, говорила сквозь зубы, нараспев, и только по-французски...» [8, т. 5, с. 113]. Таким образом, развитие сюжета пушкинской повести строится даже не столько на смене их социальных ролей, сколько на игре с литературными типами [см.: 10, с. 248]. Роман барина Берестова и лжекрестьянки Акулины развивается по всем правилам сентиментальных романов: влюбленные ежедневно видятся «в роще свиданий», Алексей «обучает» Акулину грамоте [8, т. 5, с. 115]. При этом он не может не удивляться понятливости своей ученицы: «...на следующее утро она захотела попробовать и писать <...> на третьем уроке Акулина разбирала уже по складам «Наталью, боярскую дочь» [8, т. 5, с. 115]. Ссылка на произведение Карамзина является знаковой. В «Барышне-крестьянке» можно рассмотреть черты заимствований из повести. Возможно, отсюда Пушкин берёт и форму повествования, вводит рассказчика и приписывает авторство Белкину. В повести «Наталья, боярская дочь» влюблённым героям приходится прибегнуть

к обману и переодеванию, чтобы отстоять своё право на счастье. Этот сюжет повторяется и в пушкинской повести. Имя главного героя обеих повестей – Алексей. Оба героя готовы защитить свою любовь и жениться на своих возлюбленных крестьянках, несмотря на все преграды. Любовная история в «Барышне-крестьянке», как и в предыдущих двух повестях, заканчивается счастливым финалом.

Пушкин парадоксальным образом деконструирует традиционные сюжетные схемы развития любовных коллизий, постоянно подчеркивая их шаблонность. Как и в привычных типах повествования, он воспроизводит базовые схемы, основные модели конфликтообразующих повествовательных узлов «несчастной любви» – препятствия со стороны родителей, неравенство социального положения и т. д., где «запрограммированные» на определенный тип литературного поведения героини попадают в одинаковые/стандартные ситуации, проявляют покорность, терпеливость, доверяя свою судьбу избраннику. Герой же, как правило, выступает в роли коварного соблазителя. При этом он не обладает твердым характером и уступает своей избраннице в нравственном отношении. В повестях Пушкина обозначен отход от известной схемы. Новые повествовательные стратегии Пушкина ломают привычные представления о правилах любовного поведения и чувствования. Пушкин разрушает стереотипы представлений о формах любовного поведения, дискурсивных правилах, определяющих развитие литературных коллизий, где героиням отводилась преимущественно пассивная роль жертвы несчастной любви. Отчетливо выраженное игровое начало, определяющее развитие любовной интриги, позволяет автору переосмыслить и пересоздать традиционные амплуа героинь сентиментальных повестей. Обозначенная Пушкиным тенденция рассмотрения женских персонажей вне сложившихся стереотипов (жертвенности, покорности, слабости, наивности, неопытности) в дальнейшем будет только усиливаться в литературе и позже – у Гончарова, Герцена, Чернышевского, Тургенева и других русских писателей – героиня во многом обретет право на утверждение своей собственной личностной позиции.

Библиографические ссылки

1. Белинский В. Г. Повести Белкина / В.Г. Белинский // Собр. соч: В 3 т. – М.: Гослитиздат, 1985 – Т. 3. – С. 637–664.
2. Белый А. «Повести Белкина»: перипетии совести». Московский пушкинист / А Белый. – М. : ИМЛИ РАН, 2009. – Т. XII.– С. 316–325.
3. Благой Д.Д.Творческий путь Пушкина. 1826 – 1830 / Д.Д. Благой. – М.: Сов. писатель, 1967. – 670 с.
4. Жуковский В. А. Собр.соч: В 4 т. / В. А. Жуковский. – М.: Гослитиздат, 1959.
5. Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин: биография писателя. Пособие для учащихся / Ю. М. Лотман. – Л.: Просвещение, 1983. – 255 с.
6. Маркович В. М. «Повести Белкина» и литературный контекст / В. М. Маркович // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1989. – Т. 13. – С. 63–87.
7. Петрунина Н. Н. Проза Пушкина: Пути эволюции / Н. Н. Петрунина. – Л.: Наука, 1987. – 336 с.
8. Пушкин А. С. Собр. соч : В 10 т. / А.С. Пушкин. – М.: ГИХЛ, 1959–1962.

9. Черняев Н. И. Метель. Критические статьи и заметки о Пушкине / Н.И. Черняев. – Харьков, 1900. – 318 с.
10. Шмид В. Проза Пушкина в поэтическом прочтении «Повести Белкина» / В. Шмид. – СПб: изд-во С.-Петербур. ун-та, 1996. – 372 с.

Надійшла до редколегії 31 березня 2014 р.